

АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ ДРЫНОЧКИН ▶

Московский институт международных отношений

Постсанкционная архитектура экономических отношений России и стран Восточной Европы

Abstract

Economic relations between Russia and Eastern Europe are reasonably stable, but they are characterized by lack of scale. Therefore, sanctions/contrsanctions have not a systemic effect on bilateral relations, although they have on individual companies. Prospects for Russia's economic relations with the Eastern European countries are evaluated in terms of their embeddedness in the overall relations between Russia and the West. It follows that is not necessary to expect a quick lifting of sanctions, despite the obvious decline over time the economic damage they cause to all parties involved. Possible in the long term mutual cancellation of sanctions regimes will likely be expressed in increase of the positive effects on normalization of trade and investment, but the magnitude of these effects will hardly be noticeable.

Keywords: Eastern Europe, sanctions, Russia, foreign trade, investment

Аннотация

Экономические отношения России и стран Восточной Европы отличаются достаточной стабильностью, но недостаточной масштабностью. Поэтому санкции/контрсанкции не оказывают системного эффекта на двусторонние отношения, хотя и сказываются на отдельных компаниях. Перспективы экономических отношений России со странами Восточной Европы оцениваются с точки зрения их встроенности в систему общих отношений России с Западом. Отсюда следует, что рассчитывать на быструю отмену санкций не приходится, даже несмотря на очевидное снижение со временем экономического ущерба, который они наносят всем участвующим в них сторонам.

Возможная в отдалённой перспективе отмена взаимных санкционных режимов скорее всего будет выражаться к увеличению позитивных эффектов от нормализации торговли и инвестиций, но величина этих эффектов вряд ли будет заметной.

Ключевые слова: Восточная Европа, санкции, Россия, внешняя торговля, инвестиции

В силу множества причин, начиная от географических, культурных, исторических и заканчивая идеологическими и метафизическими, экономические связи России и стран Восточной Европы¹ носят заметный характер для каждой из названных стран, даже несмотря на временные и конъюнктурно обусловленные препоны.

Изучение основных двух компонентов внешнеэкономических связей – движения товаров и движения капиталов, – продемонстрировало различные тенденции.

Основные показатели, характеризующие движение товаров (т.е. **состояние двусторонних внешнеторговых отношений**) характеризуются в целом положительной, но не последовательной динамикой.

В качестве основных характеристик внешней торговли были выбраны следующие: объёмы, динамика, сальдо и структура.

Объёмы: место стран Восточной Европы (в дальнейшем – ВЕ) во внешней торговле России выглядит достаточно солидно: доля региона в общем объёме товарооборота России находится в пределах 10–12%, а если брать европейский уровень, то доля ВЕ возрастет до 21–22%. «Зеркальные» данные (т.е. место России во внешней торговле стран ВЕ) заметно ниже – порядка 3–4%.

Динамика: объёмы торговли в целом растут, но последовательным это движение назвать нельзя, поскольку подъёмы чередуются со спадами, да и по странам динамика отличается порою совершенно кардинальным образом (например, товарооборот России и Болгарии отличает длительное и устойчивое сокращение, а в 2014 г. импорт из Эстонии, наоборот, вырос в 2 раза).

¹ В настоящей работе термин «Восточная Европа» охватывает страны, ставшие членами ЕС после 2004 г., и страны-кандидаты в ЕС (т.е. балканские страны).

Таблица 1. Внешняя торговля России с отдельными странами Восточной Европы (млрд долл.) (ФТС России)

	Россия → BE															BE → Россия				
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2010	2011	2012	2013	2014	2015
ЭСТ	2,7	1,6	1,0	1,2	1,7	2,9	3,7	4,0	3,7	2,2	0,3	0,4	0,5	0,4	0,6	1,0	0,8	0,8	1,6	0,5
ЛАТ	1,7	2,6	7,9	4,2	5,9	7,4	8,9	10,4	12,6	7,0	0,4	0,5	0,6	0,4	0,7	0,7	0,7	0,8	0,7	0,4
ЛИТ	4,2	4,1	4,5	3,4	3,5	7,2	5,4	6,1	4,8	2,9	0,7	0,8	0,9	0,8	1,0	1,2	1,3	1,1	1,0	0,4
ПОЛ	11,5	13,3	20,2	12,5	14,9	21,4	19,9	19,6	15,9	9,7	3,4	4,6	7,0	4,2	5,8	6,7	7,5	8,3	7,1	4,1
ЧЕХ	4,7	4,7	7,3	4,4	5,5	5,4	5,2	6,0	5,2	3,3	1,5	2,5	3,6	2,3	2,9	4,5	5,3	5,3	4,9	2,8
СЛК	4,6	5,2	6,5	3,0	4,6	7,1	6,2	5,9	5,2	3,6	0,8	1,4	3,0	1,8	2,5	3,0	3,7	3,5	2,9	1,8
ВЕН	6,2	6,1	9,1	3,8	5,4	7,7	6,6	6,4	5,1	3,0	1,9	2,6	3,7	2,6	3,1	3,3	3,1	3,0	2,7	1,7
СЛО	0,3	0,3	0,3	0,1	0,2	0,3	0,3	0,2	0,4	0,1	0,6	0,8	1,2	0,8	1,0	1,1	1,2	1,4	1,3	0,9
ХОР	1,3	1,5	1,0	0,4	0,4	0,2
РУМ	3,3	3,2	4,2	1,6	2,0	1,8	1,9	1,6	1,5	1,7	0,5	0,7	1,0	0,9	1,3	1,7	1,7	2,0	2,2	1,3
БОЛ	3,0	3,8	4,8	2,2	3,4	3,5	4,3	2,2	1,5	1,9	0,3	0,4	0,6	0,4	0,5	0,7	0,7	0,7	0,7	0,5

Сальдо: в подавляющем большинстве случаев имеется положительное сальдо в пользу России. Исключением является Словения, всегда в исследуемый период поставлявшая в Россию больше, чем покупала оттуда (вероятно, из-за отсутствия трубопровода для поставок энергоресурсов). Бывают и отдельные казусы: Румыния (2013–2014 гг.) и Чехия (2012 г.; но только по российским данным, поскольку по чешским картина была обратная, что связано с разными ценами учёта внешнеторговых потоков СИФ или ФОБ). В целом (за исключением 2015 г.) и, наблюдается тенденция постепенного сокращения этого сальдо в торговле с НЧЕС², преимущественно за счёт увеличения поставок из ВЕ в Россию, а не за счёт снижения поставок из России.

Таблица 2. Коэффициент покрытия импорта экспортом (рассчитано по данным ФТС России)

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
НЧЕС	3,99	2,98	2,93	2,52	2,46	2,80	2,44	2,42	2,37	2,48
ЕС	2,87	2,25	2,28	2,13	2,21	2,09	2,09	2,11	2,18	2,36
МИР	2,19	1,76	1,75	1,80	1,73	1,69	1,65	1,67	1,74	1,88

Структура: географическое распределение внешнеторгового оборота показывает стойкое доминирование стран региона Восточно-Центральной Европы (т.е. Вишеградских стран плюс Балтии): соотношение между ВЦЕ и ЮВЕ составляет 7 : 1, из них на долю В4 приходится около ⅓. Товарная структура – традиционна (энергоресурсы в обмен на обработанные изделия).

Таким образом, если опираться только на данные о внешней торговле, то можно усомниться в том, что страны Восточной Европы представляют существенный интерес для российских экспортёров.

² НЧЕС – Новые члены Евросоюза (т.е. страны ВЕ без учёта стран-кандидатов в ЕС). Учитывая незначительный масштаб торговли России со странами-кандидатами в ЕС, они не оказывают большого влияния на итоговые показатели.

Пожалуй, лишь вишеградская четвёрка занимает достаточно высокие позиции в рейтинге внешнеторговых партнёров России.

Движение капиталов

Основные характеристики *инвестиционного сотрудничества*: в качестве главного показателя выбран уровень накопленных ПИИ. И здесь наблюдается зримая несбалансированность потоков капиталов: Россия накопила в странах ВЕ на 1 января 2016 г. порядка 12 млрд долл., а «зеркальный» показатель лишь немногим превысил 2,5 млрд долл.³

А. *Outward*. Страны Юго-Восточной Европы явно доминируют в качестве основных реципиентов российского капитала (причём, без особой разницы в том, является ли та или иная балканская страна членом ЕС или нет): на конец 2015 г. в этом субрегионе было накоплено около 6,5 млрд долл ПЗИ из России (т.е. примерно половина всех накопленных в ВЕ инвестиций). В наибольшей степени это относится к Болгарии, Сербии и Черногории⁴. Среди других значимых реципиентов российских ПЗИ выделяются и страны Балтии – 2,6 млрд долл., из которых 70% приходится на одну Латвию. Вишеградские страны не избалованы вниманием российских инвесторов, как это можно было бы представить, исходя из мониторинга прессы: в этих четырёх странах накоплено «лишь» порядка 2,9 млрд долл. Если в 2009 г. лидерами среди вишеградцев были Венгрия (53%) и Чехия (31%), то к 2014 г. Чехия стала единоличным лидером – 64% от объёма российских ПЗИ в странах Вишеградской группы.

³ Рассчитано на основании базы данных ЦБР.

⁴ Последнее несколько удивительно, учитывая довольно пристрастное отношение к российским инвесторам в этой стране в последнее время.

Таблица 3. Накопленные прямые зарубежные инвестиции из России в странах Восточной Европы (ЦБ России) (по состоянию на 1 января; млн. долл.; Итого – млрд.долл.)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2016/04
ЭСТ	589	149	220	276	412	459	467	479
ЛАТ	535	473	704	941	3 062	1881	1895	1897
ЛИТ	1 380	1 420	1 444	1 335	1 411	293	285	285
ПОЛ	596	581	545	589	618	510	554	597
ЧЕХ	1 336	1 192	1 309	1 598	1 842	1953	1876	1901
СЛК	48	52	59	78	117	117	125	127
ВЕН	2 266	2 230	228	107	316	865	740	227
СЛО	14	59	64	45	72	163	164	165
ХОР	206	226	250	355	399	394	391	387
РУМ	63	258	147	138	36	34	30	29
БОЛ	1 586	1 884	2 439	2 854	2 870	3143	3084	3144
СРБ	394	623	1 488	1 784	1 788	1053	969	842
ЧРГ	1 339	896	935	1 109	1 232	1329	1322	1318
МКД	–	–	–	1	1	4	4	4
БИГ	541	678	561	725	877	938	668	614
АЛБ	–	–	–	1	2	5	5	5
Итого:	10,9	10,7	10,4	11,9	14,9	13,1	12,6	12,0

Б. *Inward*. В свою очередь накопленные инвестиции из стран Восточной Европы в Россию с 2009 г. довольно стабильно держатся на уровне 2,5–3,0 млрд долл. (см. Таб. № 2). Среди основных инвесторов заметно выделяется Венгрия, доля которой в период 2009–2013 гг. выросла с 20 до 33% (объём накопленных ПИИ превысил 1 млрд долл.). Другим довольно значимым инвестором является Чехия, но её доля сократилась с 30 до 15% (460 млн долл.). Также в 2013 г. резко выросла доля Латвии (порядка 15%; 451 млн долл.). Вряд ли это отражает активность латвийских инвесторов, скорее это следствие деятельности российских инвесторов, ранее приобретших доли в латвийских компаниях.

Таблица 4. Накопленные прямые иностранные инвестиции в Россию из стран Восточной Европы (ЦБ России) (по состоянию на 1 января; млн. долл.; Итого – млрд.долл.)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2016/04
ЭСТ	156	167	145	207	221	190	178	209
ЛАТ	223	263	215	213	451	615	712	764
ЛИТ	211	224	216	218	232	154	142	154
ПОЛ	413	577	442	304	141	323	324	366
ЧЕХ	692	1 130	832	464	460	393	253	274
СЛК	27	8	4	4	8	22	22	30
ВЕН	556	770	875	1 084	1023	626	422	451
СЛО	246	249	166	177	209	154	152	174
ХОР	58	78	64	16	32	24	22	28
РУМ	9	10	10	11	12	10	9	10
БОЛ	127	177	152	62	54	38	33	67
СРБ	36	39	15	186	170	27	42	52
ЧРГ	23	24	20	31	24	14	15	18
МКД	16	22	15	1	–	–	–	–
БИГ	–	1	1	6	5	1	2	3
АЛБ	–	11	13	16	11	7	–	–
Итого:	2,8	3,8	3,2	3,0	3,1	2,6	2,3	2,6

В. Внешний фон. Регион ВЕ не отличается большой привлекательностью для России.

Как видно, ситуация с объёмами взаимных инвестиций выглядит ещё более печально. Но если смотреть на динамику как внешнеторговых потоков, так и инвестиционных, то в целом хочется сказать, что она не претерпела существенных изменений. Безусловно, наблюдаются некоторые (а порою – значительные) отклонения от общего достаточно плавно восходящего тренда, но они, как представляется, не являются определяющими для общей характеристики двусторонних отношений.

Таблица 5. Share of Eastern Europe in total russian FDI-stock (ЦБР) (по состоянию на 1 января; %)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2016/1
Outward FDI-stock (Russia → Eastern Europe)								
Eastern Europe	3,7	3,0	2,9	2,9	3,1	3,2	3,4	3,1
V4	1,4	1,1	0,6	0,6	0,6	0,8	0,9	0,7
Inward FDI-stock (Eastern Europe → Russia)								
Eastern Europe	0,7	0,8	0,7	0,6	0,5	0,7	0,7	0,7
V4	0,4	0,5	0,5	0,4	0,3	0,4	0,3	0,3

Тем не менее даже имеющаяся динамика двусторонних отношений требует внятных объяснений. Для того, чтобы адекватно объяснить происходящие изменения в двусторонних экономических отношениях необходимо выявить причины этих изменений. При этом вряд ли имеет смысл выделять какую-либо одну единственную причину, послужившую детонатором последующих событий. Скорее следует опираться на мысль Гж. Колодко: «события происходят, как происходят, потому что многое происходит одновременно» (Колодко, 2009, с. 71). В этом контексте, наблюдаемая динамика очевидно является следствием действия нескольких событий (которые, возможно, и имеют некую общую природу): кризис либеральной модели экономики, кризис интеграций, кризис систем традиционных ценностей, кризис моделей управления обществом и т.п.

Возникающий конъюнктурный соблазн связать наблюдаемое в последние 2–3 года некоторое падение показателей экономических отношении России и стран Восточной Европы с санкциями и контрсанкциями, как с самыми последними по времени факторами воздействия на торговые и инвестиционные потоки, не выглядит продуктивным ходом. Дело в том, что санкции – лишь маленькое звено в этой совокупности кризисов, как бы частный случай одного или нескольких из них. К тому же они имеют комплексную природу, где доминируют и экономические, и политические, и моральные соображения.

Природа санкций в контексте экономических отношений России и стран Восточной Европы

Непосредственно с точки зрения экономической теории санкции можно рассматривать как разновидность такого известного протекционистского инструмента как количественные ограничения торговли. Классическое их понимание состоит в том, что они предназначены для того, чтобы «убрать» с национального рынка одних экономических агентов и заменить их другими. По сути, это защитные меры, ответная реакция на некие наступательные действия. Пожалуй, российское эмбарго как раз и является таким случаем.

Другое дело западные санкции: по сути, их главный смысл сводится во введении количественных ограничений на движение инвестиций (препятствия для перемещения физических лиц, как представляется, носят символический характер). Вообще-то это противоречит основным постулатам мейнстрима либеральной экономической теории, ратующей (помимо прочего) за свободное движение капиталов. Собственно говоря, и не скрывается, что санкции рассматриваются как элемент внешней политики. Фактически это изоциркий, изуверский способ воздействия на политическую систему с помощью экономических инструментов.

Ретроспективный анализ литературы показал, что имеется большое число работ по санкционной проблематике. Причём многие из них появились намного раньше 2014–2015 гг., т.е. когда о санкциях против России и речи не было (например, Хуфбауэр и соавторы (2009), Нуреддин, Морган, Бапат (2013) и др.). Безусловно, эти работы непосредственно не рассматривали Россию как объект санкций, но изучали последствия их введения. Поэтому механизмы действия санкций на экономику той или иной страны западными учёными были исследованы достаточно хорошо.

Отсюда напрашивается следующая версия: мол, операция по введению санкций готовилась заранее, даже можно сказать, что она была экспериментом по проверке научной гипотезы, а следовательно события на Украине также готовились заранее, и вовсе не были результатом стихийной деятельности народных масс. Возможно, это

отдаёт конспирологией, т.е. лженаукой, но нельзя не признать, что западные санкции и российские контрсанкции – это не две стороны одной медали, а явления, находящиеся в разных плоскостях. Потому то, видимо, отсутствуют единообразно понимаемые способы, методы и инструменты оценки эффективности санкций.

В целом, проблема оценки эффективности санкций/контрсанкций разделяется на проблемы оценки экономической и политической эффективности. Экономисты, как правило, более осторожны, обычно не дают конкретного ответа, ссылаясь на то, что привлечение политического компонента уходит за рамки экономических теорий, и потому не могут быть точно измерено. Политологи, как правило, оперируют двумерными оценками (да-нет) оценками, в которых ориентируются на эмоции и веру.

В политологическом контексте конечный итог санкций видится в смене «режима»: если удалось «свергнуть диктатора» или произошла смена политики или позиции по какому-либо вопросу, то санкции достигли результата. Если нет, то их надо продолжить. В качестве аргумента используется фраза «я верю, что рано или поздно это произойдёт».

В экономическом контексте конечный итог санкций менее определён. Скорее интерес представляет процесс, его формы и экономически измеряемые последствия. При этом существует консенсус, что санкции наносят ущерб для обеих сторон – инициатора (субъекта) санкций и объекта санкций.

Однако, в методологическом плане отсутствует ясное понимание того, что считать убытками от санкций: если снижение товарооборота, то это трудно увязать с санкциями, поскольку снижение могло быть вызвано и другими факторами, воздействие которых трудно отделить от влияния санкций. Реальными потерями могли бы стать скорее убытки от расторжения уже заключённых контрактов или от прекращения производства товаров с высокой эластичностью предложения (т.е. когда производится настолько специализированная продукция, что она не может быть реализована на других рынках (Gros, 2015)), но эта информация практически недоступна. Привлечение известного аргумента о, мол, недополученной прибыли чуть-чуть улучшает ситуацию, но не устраняет её гипотетический

характер. Наконец, разделение последствий на краткосрочные и долгосрочные позволяет как угодно манипулировать цифрами ущерба.

К тому же, политическая целесообразность заставляет каждую из сторон демонстрировать, что ущерб для визави больше, чем для собственной экономики. Западные оценки единодушно показывают, что ущерб для России больше, чем для Запада. Российские оценки, правда, в меньшей степени основаны на проверяемых экспонетрических моделях и больше ориентированы не на количественные, а качественные показатели⁵.

Отсюда возникает огромный разброс цифр относительно ущерба от санкций и контрсанкций, предоставляемых тем или иным экспертом или научным институтом, а отсутствие указаний о методике расчётов значительно снижает достоверность публикуемых результатов.

Нельзя забывать и имеющиеся ограничения эффективности санкций:

- = Существование открытой глобальной экономики, в которой товарные и инвестиционные потоки могут довольно свободно перераспределяться, тем самым нивелируя эффект от санкций как разновидности нетарифных торговых барьеров.
- = Состав коалиции стран, поддерживающих санкции: чем она шире, тем больше шансов на достижение политической цели.
- = Чем выше уровень торговой зависимости, тем более эффективны санкции.
- = чем дольше делятся санкции, тем меньший вред они наносят.

Поэтому вопрос точной экономической оценки эффективности санкций/контрсанкций выглядит теоретически и методологически

⁵ Типичный случай рассуждений выглядит следующим образом: российское эмбарго → снижение двусторонней торговли → затоваривание не поставленной в Россию продукцией → снижение цен на продовольствие в Европе → негативное влияние на производство → негативное влияние на уровень благосостояния → сокращение рабочих мест. Но из представленной цепочки только два звена имеют непосредственное отношение к российским контрсанкциям – затоваривание не поставленной в Россию продукцией и снижение цен на продовольствие в Европе (статистика это подтверждает). Остальные звенья конечно, связаны с контрсанкциями, но не абсолютно.

не проработанным. Следовательно, наиболее реальной становится политическая оценка эффективности санкций/контрсанкций.

Однако, если исходить из того, что мотивом (но не реальной причиной!) введения санкций стали Крым и Донбасс, то в такой постановке санкции будут вечными. Придётся констатировать, что санкции – это надолго. Это, конечно, неудобно для обеих сторон (инициатора и объекта санкций). Но всё более длительный период нахождения обеих сторон под взаимными санкциями делает всё менее тревожными оценки от их существования. По большому счёту, экономики инициаторов и объектов санкций уже приспособились к их существованию⁶.

Перспективы экономических отношений после санкций. По сути, речь пойдёт не о проблеме «что будет, когда отменят санкции», а о проблеме «что будет, если отменят санкции». Наиболее сложной задачей является поиск Западом критериев для отмены санкций: учитывая стойкую российскую позицию российских властей, разделяемую всем российским обществом, о невозможности «вернуть» Крым и потенциально большую сложность урегулирования ситуации на Донбассе, западным дипломатам и истеблишменту надо будет придумать очень изысканные формулировки, чтобы и «лицо сохранить», и санкции отменить. А поскольку на это потребуется много времени, то неизбежно сохранится достаточно длительный период времени – вероятно под названием «испытательный срок», в течение которого будут постоянные оговорки, мол, что санкции отменим (ослабим) только в том случае, если за два (три, четыре и т.п.) года не будет возврата к прежнему состоянию.

Однако, всё это не означает, что рано или поздно будут отменены. И тогда, как представляется, будет абсолютно преобладать прагматический подход («только бизнес, ничего личного»), хотя подавляющее большинство бизнес-решений (будь то торговые, или инвестиционные) будет опосредовано государственными структурами.

⁶ В том числе за счёт удачного поиска путей обхода санкций: например, в 2015 г. поставки яблок из Белоруссии в Россию возросли в 5 раз, но одновременно Белоруссия превратилась в главного покупателя польских яблок – её доля в польском экспорте яблок составила неслыханные ранее 42%.

Если попытаться конкретизировать перспективы постсанкционного состояния внешнеэкономических связей России и ВЕ, то можно предположить следующее:

Сфера движения товаров (внешняя торговля): отмена российско-го продовольственного эмбарго вслед за отменой западных санкций против России в принципе должна сказаться на объёмах торговли, хотя будут действовать два ингибирующих фактора:

Во-первых, за этот период поставщики из стран ВЕ найдут новых потребителей в других странах, смогут установить с ними достаточно плодотворные отношения и рассчитывать на массовый отказ от этого сотрудничества в пользу России исключительно по причине большой любви к России не приходится.

Во-вторых, странам ВЕ придётся столкнуться с последствиями импортозамещения в России. Здесь надо иметь в виду, что импортозамещение в России фактически началось ещё до начала санкционной войны (так, по мясу и мясопродуктам опережающий рост собственного производства по сравнению с импортом начался ещё в 1999 г.). Поэтому вполне возможно, что эффект от импортозамещения скажется не в отдалённой перспективе, как думают некоторые эксперты, а возможно и к моменту отмены санкций. В принципе, для стран ВЕ открыты возможности для продажи своих технологий выращивания продукции аграрного сектора или сотрудничества в рамках производственной кооперации, но им в перспективе надо рассчитывать на рост аграрного экспорта из России (как следствия импортозамещения) с последующими возможными протекционистскими «разборками».

Сфера движения капиталов: западные санкции строятся на ограничении притока капиталов в Россию, что в сочетании с относительной неразвитостью форм внутреннего рынка капиталов должно сказаться на величине последующих инвестиций в развитие. В настоящее время уменьшение притока капиталов вызывает не столько уменьшение инвестиций, а сколько изменение валютного курса в сторону усиления рубля и последующего стимулирования экспорта и ограничения импорта. По крайней мере данные статистики показывают, что темпы падения экспорта ниже (про рост пока речи нет, кроме отдельных позиций), чем темпы падения импорта. Исключе-

нием являются страны ВЕ⁷, но это связано структурой экспорта, где львиную долю занимают энергоносители, физические объёмы поставок которых в силу существования долгосрочных контрактов остались на прежнем уровне. Соответственно, отмена санкций должна проявиться в обратной реакции: увеличении притока капиталов → ослаблению курса рубля → росту импорта и уменьшению экспорта. Но представляется, что отношение к иностранному капиталу будет ещё более избирательным: вероятно, не любому иностранному инвестору будет дана возможность инвестировать в Россию, а преимущественно тем, чьи материнские страны не занимали оголтело антироссийской позиции в период острой фазы санкционной войны. В настоящее время среди стран ВЕ к таковым можно отнести Венгрию, Словакию и Чехию.

ДРЫНОЧКИН АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ, доктор экономических наук, профессор

МГИМО (Московский институт международных отношений),
Россия, Москва
drinda-hu@yandex.ru

ALEXEY DRYNOCHKIN, doctor of economics, professor

MGIMO (Moscow Institute of International Relations), Russia, Moscow

⁷ Экспорт из России в ВЕ упал больше, чем импорт (10,1% против 8,0%), тогда как в системе «Россия-мир» экспорт упал меньше, чем импорт (5,8% против 9,2%). Это же правило сработало в системе «Россия-ЕС».

Биография

Колодко, Гж. (2009). *Мир в движении*. Москва: Магистр.

Varat, N., Heinrich, T., Kobayashi, Y., & Morgan, C. (2013). Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data. *International Interactions: Empirical and Theoretical Research in International Relations*, 39(1), 79–98.

Gros, D., Mustilli, F. (2015, 23 October). *The Economic Impact of Sanctions against Russia: Much ado about very little*.

Hufbauer, G., Schott, J., Elliott, K.A., Oegg, B. (2009). *Economic Sanctions Reconsidered* (3rd ed.). Peterson Institute for International Economics.